

С. А. Красильников
**РАНЕСОВЕТСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ:
ИСТОРИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-38-45

УДК 930.2

ББК 63.01

Феномен социальной мобилизации, будучи предметом междисциплинарных разработок в социогуманитарных науках, множит число исследовательских проблем, среди которых основной является разрыв теории и эмпирики. Нет конвенционного согласия в определении важнейших его характеристик; не определен статус теоретических концепций мобилизационности; разработки в области социальных наук оказываются либо невостребованными, либо слабо и фрагментарно адаптированными к целям исторических исследований. В публикации рассматривается опыт работы отечественных историков с концептом социальной мобилизации при исследовании проблем раннесоветского общества (ресурсоориентированные, функционал-ориентированные и институциональные подходы), перспективы перевода мобилизационного феномена в статус одной из ключевых историко-цивилизационных черт отечественной государственности. Выявлены достижения и ограничения каждого из подходов, реализованных историками в крупных коллективных работах последнего пятилетия. Предложен подход, позволяющий рассматривать социальную мобилизацию в качестве важнейшей характеристики большевистского режима наряду с идеократией и охранительностью; намечен приоритетный круг вопросов для исследования структурно-функциональных и деятельностных аспектов мобилизационного феномена; поставлены дискуссионные вопросы о природе, границах, формах, масштабах и последствиях воплощения мобилизационных практик в политике, экономике и культуре, о взаимосвязи процессов модернизации и мобилизации, о влиянии на них фактора традиционализма.

Ключевые слова: *раннесоветская эпоха, социальная мобилизация, политика, исследовательские подходы*

Значение мобилизационного фактора в отечественной истории традиционно привлекало к себе внимание специалистов социально-гуманитарного профиля. Формирование предметного поля в исследовании данного явления осуществлялось особенно активно в постсоветский период: оно приобрело в большей степени экстенсивный характер и происходило как путем освоения мирового опыта концептуального осмысления феномена мобилизационности зарубежными философами, социологами, экономистами, так и путем адаптации этих подходов для нужд отечественных исторических исследований. В важной для понимания данной ситуации работе социолога И. А. Климова отмечены «болевые» точки современного мобилизационного дискурса: эклектичность (включение «трудовых», «этнических»,

«политические» и др. мобилизаций); растворение проблематики в политико-идеологических дискуссиях; неотрефлексированность в необходимой мере историко-теоретического наследия.¹ И. А. Климов справедливо указывает на то, что наибольший вклад в разработку «мобилизационного» предметного поля за рубежом сделали социологи, исследуя массовые общества, тоталитарные режимы и институциональные аспекты и механизмы управления активностью населения, или «мобилизации действия». Другим направлением в социологии массовых движений стала парадигма «мобилизации ресурсов», в рамках которой шла разработка и операционализация понятия «ресурсы» и далее описывались механизмы, с помощью которых происходит их аккумуляция и использование акторами социальных движений².

Если обратиться к современной российской исследовательской практике, то среди крупных работ последних пяти лет, посвященных

*Красильников Сергей Александрович — д.и.н., в.н.с., Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: krass49@gmail.com*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00170 «Наука и ученые в восточных регионах России в мобилизационной парадигме (1930 — начало 1950-х гг.)» (рук. С. А. Красильников)

¹ См.: Климов И. А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23.

² Там же. С. 9, 10.

феномену отечественной мобилизационности в раннесоветскую эпоху, хронологически охватывавшую межвоенный период (1920–1930-е гг.), безусловно, заслуживает внимания коллективный труд уральских авторов (2013).³ Он примечателен сочетанием концептуальных размышлений и оценок с изучением мобилизационных практик, распространившихся в стране в позднеимперский период и в последовавшую за этим эпоху войн и революций, включая Вторую мировую войну и выход из нее в послевоенное десятилетие. Столь длительный — полувековой — хронологический период позволил авторам апробировать избранную ими модель мобилизационного типа, описанную в парадигме «ресурсной мобилизации», путем выявления и анализа таких ее видов, как политико-идеологические, финансовые, трудовые и др. Нельзя не оценить четкости и последовательности, с которыми коллектив авторов из Челябинска реализовал свой замысел на достаточной, хотя и в значительной мере известной историографической и источниковой основе.

В монографии предпринята весьма важная попытка вывести проблематику мобилизационной экономики (с которой, собственно, и начинались прежние дискуссии в Челябинске в 2003 и 2009 гг.) на исследование системных черт и признаков российской общественной модели мобилизационного типа. За основу авторами взята в качестве рабочей гипотезы проверка модели, предложенной В. В. Седовым, одним из идеологов концепции мобилизационной экономики: он выделяет восемь системообразующих признаков, без наличия которых невозможна мобилизация как процесс, политика и практика.

Так, С. А. Баканов в гл. 1 обосновывает вывод о том, что «к началу 1930-х гг. в СССР реализовались семь из восьми принципов мобилизационной модели развития»: принцип «главного звена» (развитие тяжелой промышленности, прежде всего оборонной); целевая направленность; достижение цели любой ценой (внеэкономическое принуждение); принцип командности; сильная власть; идеократическая система (выдвинута новая национальная идея — строительство социализма); принцип сознательности и энтузиазма. Восьмой принцип («дискретность мобилизации»)

игнорировался государством, поддерживавшим мобилизационную модель развития в постоянном действии.⁴ С. А. Баканов констатирует, что, «несмотря на очевидные провалы мобилизационной политики... к концу 1930-х гг. в СССР было построено зрелое общество мобилизационного типа, которое показало свою эффективность в чрезвычайных условиях военного времени и послевоенного восстановительного периода».⁵ Очевидную противоречивость основного вывода автор не объясняет, хотя ясно, что речь идет о достаточной сформированности институтов социальной мобилизации, но никак не о «зрелости общества», остававшегося в своей основе традиционалистским.

В гл. 2–5 (авторы Г. А. Гончаров, А. А. Пасс, Н. В. Гришина и А. А. Фокин) дается обзор изучения таких важнейших аспектов мобилизационного механизма, как финансовые и трудовые ресурсы, значение идеологии и рецепция мобилизационного опыта в советском обществе. Завершением коллективной монографии стал емкий вывод: «Мобилизационная модель развития продемонстрировала в России XX в. способность добиваться намеченной ее инициаторами цели, а именно это, в логике данной модели, и служит мерилем ее эффективности. Оптимальный, ресурсосберегающий, низкочатратный путь в рамках мобилизационной модели раз за разом оказывался невозможным по причине его несоответствия принципам “главного звена”, “целевой направленности политики” и “достижения цели любой ценой”».⁶

Позитивно оценивая работу коллектива челябинских исследователей, отметим следующее: авторы сделали шаг для перехода от рассмотрения феномена мобилизационности в сфере экономической к его осмыслению как российского историко-цивилизационного атрибута; выбрали приемлемую для адаптации на фактическом материале социологическую концепцию «мобилизации ресурсов». Однако затем они как будто остановились, встретившись с главным препятствием, так его и не преодолев: можно ли рассматривать изучаемое явление в рамках понятия «развитие» (обычно имеющего позитивную коннотацию) в исторических условиях России/СССР первой половины XX в., когда главный ресурс этого

³ Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке / Гончаров Г. А. [и др.]. Челябинск, 2013.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 33, 34.

⁶ Там же. С. 127.

«развития» — социум — пребывал в состоянии экономического, социокультурного и демографического выживания?»

Наряду с трудом историков Челябинска, в Новосибирске в том же 2013 г. опубликована коллективная монография, в которой феномен социальной мобилизации рассматривается в качестве системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения в межвоенный период (конец 1920-х — 1930-е гг.).⁷ Приоритетным в работе явился функционал-ориентированный подход, основанный на исследовании институциональных основ, структур и функций мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и социума (политика, идеология, экономика, культура, массовое сознание). Базовой в данной работе выступает категория «социальная мобилизация», под которой понимается целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством. Социальная мобилизация сталинской эпохи позволяла власти сконцентрировать максимум ресурсов общества на выполнении провозглашенных целей всеми имеющимися в распоряжении властных институтов средствами как стимулирующего характера (ограниченно), так и внеэкономического, репрессивного характера (практически без ограничений). Учитывая обязательную вовлеченность населения в действия власти и сопричастность им, допустимо утверждать, что постреволюционная мобилизация — это деформированный, искаженный и фальсифицированный вариант модели общественного договора между властью и социумом в его советско-сталинском варианте. Мобилизационные кампании раннесоветской эпохи, несмотря на очевидное разнообразие целей, имели типологически сходные черты (институциональность, директивность, всеохватность, перманентность, интенсивность, агрессивность и конфликтность, экстраординарность, ресурсозатратность и др.).⁸ Безусловно, данная монография также не ли-

шена концептуальных пробелов и вопросов, оставшихся открытыми. Среди них — принципиально важный вопрос об исторической цене сталинской модели социальной мобилизации и оценочных, измерительных параметрах этого явления.

Среди новейших работ, анализирующих феномен социальной мобилизации в контексте осмысления событий отечественной истории XX в., привлекает внимание монография А. Н. Медушевского,⁹ в которой рассматривается мобилизационный фактор в качестве одного из «несущих элементов» конструкции всей советской государственности начиная с революционной эпохи. Этот фактор анализируется в рамках выстроенной им модели формирования номинального конституционализма, под которым понимается «провозглашение норм, не реализуемых на практике», но выполняющих вполне реальное предназначение в силу своей чрезвычайной гибкости (все правовые нормы могли быть наполнены любым угодным власти содержанием путем их идеологического и политического толкования).¹⁰ А. Н. Медушевский активно использует феномен социальной мобилизации при объяснении характера новой власти и ее действий, не выходя, впрочем, за рамки общепринятого понимания массовой мобилизации как направленного использования властью ресурсов социума для достижения целей как общепринятых и признаваемых, так и навязанных обществу.

Автор последовательно применяет подход, который следует обозначить как институциональный. С данных позиций вся постреволюционная государственность функционально носила мобилизационный характер: Советы изначально, с момента своего зарождения и формирования, являлись инструментом, оружием социальной мобилизации масс;¹¹ в дальнейшем в ходе их трансформации в государственную структуру данное предназначение не претерпело принципиальных изменений. Советский тип государственности в сталинскую эпоху А. Н. Медушевский определяет как «систему деспотического мобилизационного государства», которому Конституция 1936 г. придала «законченный вид».¹²

⁹ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017.

¹⁰ Там же. С. 612.

¹¹ Там же. С. 217.

¹² Там же. С. 328.

⁷ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.). Новосибирск, 2013.

⁸ Там же. С. 8.

Собственно, весь план «социалистического строительства» справедливо трактуется автором как главный мобилизационный советский проект, реализовать который было невозможно в силу его утопичности, вследствие чего его «укоренение» достигалось отработанными и усовершенствованными технологиями диктаторских режимов — путем репрессий и массовых мобилизаций. А. Н. Медушевский дает прекрасную иллюстрацию этому на примере глубокого анализа классической с точки зрения организации и осуществления социально-политической мобилизации идеолого-пропагандистской кампании по «всенародному обсуждению» и принятию «сталинской Конституции» 1936 г., тогда как реальным фактом «диалога власти и общества» стал государственный террор.¹³

А. Н. Медушевский полагает, что ретрадиционализм российского социума, затем трансформировавшегося в советское общество, был сполна использован большевистским режимом для установления тоталитарной формы государственности: «Сталинская модель социального конструирования основана на ретрадиционализации политического сознания, насильственной модернизации и использовании новых информационных технологий массовой мобилизации».¹⁴

Наряду с очевидными достоинствами в выявлении новых граней феномена социальной мобилизации, которые позволяют интерпретировать его в рамках институционального подхода, следует отметить некоторую абстрактность и априорность авторских суждений и оценок. Можно согласиться с тем, что мобилизационность являлась внутренним состоянием советской государственности, сопровождая ее с момента зарождения до распада. Однако когда утверждается, что она присутствовала во всем и везде, подобную всеохватность трудно анализировать и верифицировать.

Поле исторической рефлексии последних лет с использованием концептуального понятия мобилизационности, разумеется, не исчерпывается перечисленными выше работами. В то же время даже в новейших публикациях можно легко обнаружить, что в сообществе специалистов, вовлеченных профессионально в данную тематику, нет согласия в трактовке таких базовых понятий, как «мобилизацион-

ный путь развития», «мобилизационная политика», «социальная мобилизация» и др., тем более нет и определенного консенсуса относительно того, что следует считать итогом и ценной мобилизационной политики и практики применительно к советской эпохе. Обозначим некоторые дискуссионные вопросы формирования мобилизационной парадигмы и возможные подходы к их решению, исходя из нашей практики исследования раннесоветской эпохи.

Природа мобилизационности коренится в том, что следует считать в известном смысле отклонением от нормы — от некоторого устоявшегося, обычного социального состояния — в сторону ее превышения посредством прежде всего внешнего воздействия. Происходит перевод потенциала личности, общности, социальной системы или социального института из ординарного состояния в экстраординарное. Действие перманентной, непрерывно воспроизводимой мобилизационности, уничтожая старые нормы, создает ситуацию, при которой девиация/аномалия становится новой нормой, «новой реальностью». Об этом свидетельствует, например, природа и динамика забастовочного движения в СССР в 1920-е гг., которое являлось формой протеста рабочих и их борьбы за свои трудовые права и против нарушения КЗоТа, считавшегося законодательной нормой, согласно которой не допускалось ухудшение условий труда и положения рабочих и служащих по сравнению с существовавшими (ст. 19, 21, 28 Кодекса).¹⁵ В этом смысле примечательна ситуация первых пятилеток, когда мобилизации в сфере труда осуществлялись уже «поверх» КЗоТа, а «ударничество» первых пятилеток, влекущее за собой превышение прежних норм выработки и, соответственно, снижение расценок за труд, приводило к их закреплению в качестве новой нормы, причем чаще всего за этим стояло не повышение эффективности труда, а увеличение норм его эксплуатации. В данном контексте становится понятным, как и почему из сферы социально-трудовых отношений к концу первой пятилетки оказались устранены, исчезли не только острые формы рабочего протеста (забастовки), но и «мягкие» формы примирительно-третейского разрешения трудовых конфликтов (примирительные камеры, третейские суды): их «проглотила» мобилизационная политика.

¹³ Там же. С. 382–402.

¹⁴ Там же. С. 620, 621.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

Сказанное выше относится и к периодически осуществлявшимся государством кампаниям по привлечению финансовых/денежных средств населения (займы): из вполне нормального финансово-экономического инструмента займы в силу своей обязательности и технологий осуществления (разверстка по предприятиям и организациям) становятся внеэкономическим механизмом — «добровольно-принудительными». Практически все мобилизационные кампании в стране носили характер не столько добровольный, самостоятельный и имеющий внутреннюю мотивацию участия/неучастия в них, сколько обязательный. Мобилизация есть способ трансформации ординарных норм в новые, экстраординарные нормы с последующим их закреплением.

Мобилизация тотальная и инсценирующая. Первая известная попытка концептуализировать понятие «мобилизация» принадлежала немецкому мыслителю Э. Юнгеру, выпустившему в 1930 г. свое знаменитое эссе «Тотальная мобилизация»,¹⁶ оказавшее значительное воздействие на исследователей данного феномена. В рамках указанных выше исследовательских традиций Э. Юнгера можно считать основоположником того направления, которое, в отличие от «мобилизации ресурсов», следует охарактеризовать как «мобилизация духа». Прежде всего он закрепил за «тотальной мобилизацией» ее понимание как одного из явлений того, что именовалось в его философской системе как «гештальт» (категория, обозначающая «высшую смыслопридающую действительность»). Базовое для него понятие «гештальт» он определял как «целое, которое охватывает больше, чем сумму своих частей. Это большее мы называем тотальностью».¹⁷ Э. Юнгер наделяет «тотальную мобилизацию» признаками, которые в более поздних философских теориях характеризуются как признаки системности социального явления (целостность; системный эффект, или принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее компонентов; возможности системы превосходят сумму возможностей составляющих ее частей). Осмысливая жестокий опыт Первой мировой войны, он проанализировал стадийность развития мобилизации, выделив три состояния (частичная — всеобщая — тотальная), ког-

да из сферы военной и экономической (первые две фазы) мобилизация перетекает в самую значительную и широкую сферу, становясь социально-культурным, массовым психологическим состоянием.

Подход Э. Юнгера продуктивен не только при рассмотрении феномена «Больших войн», в не меньшей степени он применим при анализе феномена мобилизационной готовности в СССР, когда угроза войны, вооруженной интервенции выступала в роли постоянно действовавшего фактора, позволявшего власти прибегать к запуску «инсценирующей» мобилизации. О. В. Великанова в своем аналитическом исследовании, посвященном мобилизационным кампаниям 1920-х гг. (в том числе одной из ключевых для своего времени — так называемой военной тревоге 1927 г.), осуществляет многоаспектное изучение основных компонентов воздействия внешней угрозы на внутреннюю политику через анализ дискурса власти и ее восприятия основными группами общества. Автор показывает, что большевистская власть использовала чрезвычайные технологии тотальной войны в мирное время не только для мобилизации человеческих и материальных ресурсов, но и для осуществления «надзора, учета, регулирования и контроля над умами».¹⁸ Здесь, на наш взгляд, рассматривается опыт применения большевистским руководством своего рода деформированной и крайне редуцированной юнгеровской модели «мобилизации духа», где пропагандистская машина с использованием манипуляционных технологий стремится проверить и оценить готовность основной массы населения к потенциальной войне, а власть с той или иной степенью достоверности получает информацию о собственной авторитетности, устойчивости, легитимности в обществе. Мобилизация становится инструментом имитационного (а не только реального) действия, позволяющим вызывать и закреплять необходимые для власти общественные реакции.

Мобилизации придают новое качество таким функциям государства, как учет, контроль и надзор над социумом. Речь идет о достижении более высокой степени управляемости, подконтрольности, надзора институтов власти над мобилизационными процессами и вовлеченными в них социальными группами, общностями,

¹⁶ См.: Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 443–469.

¹⁷ Юнгер Э. Указ. соч. С. 423.

¹⁸ Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М., 2017. С. 220.

а в желаемом целеполагании — над всем населением. Контроль, надзор достигаются путем всеобщности/коллективности охвата мобилизацией тех или иных целевых категорий. Например, та же подписка на заем в трудовом коллективе способствовала выявлению позиций отдельных личностей или настроений относительно самого мероприятия (величина суммы подписки, отказ от нее). Открытое голосование в коллективах с осуждением обвиняемых на «вредительских» процессах и вынесением резолюций с требованием смертных приговоров также служило способом выявления, фиксации социальных настроений. Это — универсальная технология контроля в советском обществе, она встроена в любые мобилизационные кампании, и в данном своем качестве мобилизация выступает охранительным инструментом власти.

Мобилизация как всепроникающий атрибутивный признак сталинской системы есть нечто большее, чем ее функция. Исследователи признают, что институционально оформленные носители мобилизационности составляют ядро государственности и политической системы (государственный аппарат, партия, общественные организации, армия, силовые/охранительные структуры выступают фундаментом мобилизационных процессов). При этом традиционно принято считать, что есть принципиальное разграничение между структурой и функцией (так, государство, армия, партия — это структуры, обладающие базовыми функциями). Соответственно, социальная мобилизация выступает в качестве одной из важнейших функций, обеспечивая дееспособность той или иной структуры. Однако допустимо предположить, что мобилизационность в тоталитарных системах перерастает свое свойство функции, трансформируется в нечто большее. Происходит инверсия: мобилизационность становится всеохватной и самодостаточной величиной. В модели «захватной мобилизационности» нет таких подсистем и элементов жизнедеятельности социума и власти, где бы не присутствовали мобилизационные признаки, ставшие доминантными. Именно в таком контексте следует понимать тезис Э. Юнгера о том, что мобилизация, становясь тотальным явлением, обладает системными характеристиками — целостностью (мобилизационные режим, экономика, политика, культура, идеология) и т. д. Существует сходный пример того, как государственное насилие (функция), институционально закрепленное в деятель-

ности охранительных структур, в постреволюционный период быстро стало системным элементом (атрибутивным признаком), тем самым изменив сами структуры, расширив их влияние далеко за пределы прежнего функционального назначения. Следовательно, такие феномены, как охранительность или мобилизационность, больше, чем функции: они становятся подсистемами сталинского режима.

Конфликты социальной мобилизации заложены в противоречие двух принципов, двух начал — самомобилизации (движение снизу, вначале стихийное, затем самоорганизованное, с обретением институциональных опор, таких как управление, регулирование, ресурсы, инфраструктура и т. д.) и более укорененного вида мобилизации, управляемой, контролируемой «сверху» (как, например, Программа преобразований с использованием массовых социальных движений и их потенциала в целях общегосударственных, но за счет безоглядной и ресурсорасходной политики в отношении собственного народа/населения). Противоречие может быть снято только тогда, когда массовые интересы созвучны с государственным и приобретают характер общенациональных интересов. Степень безоглядности/тотальности и принуждения к реализации тех или иных идей может служить индикатором общественного согласия или признаваемости этих целей либо, напротив, их отторжения.

Другим противоречием мобилизационной политики являются заложенные в ней два основания — конфронтационное и консолидационное. Консолидация на основе конфронтации как тип, распространенный еще со времен Первой мировой войны, в постреволюционную эпоху была чревата неустойчивостью. Такого рода модель (соединение «борьбы за построение социализма» с «борьбой против внутренней и внешней контрреволюции») требовала воспроизводства и закрепления атмосферы если и не войны, то крайней социальной напряженности. В то же время, как показывают современные исследования историков, традиционалистская картина мира в ее дихотомическом варианте («мы–они») оказывалась более восприимчивой к такой модели консолидации.¹⁹

Мобилизация и/или модернизация. Понятия «мобилизация» и «модернизация» в их употреблении обществоведами ныне оказались

¹⁹ См.: Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013.

настолько взаимосвязанными и переплетенными, что из них можно составить взаимозаменяемые словосочетания — «мобилизационная модернизация» и «модернизационная мобилизация», поскольку оба явления выражали различные стороны инструментального использования сталинским режимом. Модернизация, как это признается большинством исследователей, носила для Сталина чисто прагматический одномерный характер — технико-технологическое наращивание оборонного потенциала страны в преддверии «Большой войны», а осуществить масштабное переоснащение военной экономики можно было единственным путем — используя мобилизационные приемы, мобилизацию масс. Соответственно, не мобилизация являлась производной от модернизации, а, скорее, наоборот: без мобилизации с ее всеохватностью не было бы сталинской модернизации.

О взаимозависимости этих феноменов говорит тот факт, что в ходе размышлений о моделях экономического развития применительно к имперскому и советскому опыту исследователи Т. М. Братченко и А. С. Сениявский применяют понятие «модель» и к модернизации, и к мобилизации, полагая, что традиционалистская основа постреволюционного общества не служила препятствием, а, скорее, содействовала мобилизации масс на решение задач индустриальной модернизации, поскольку власть, опираясь на низшие классы и заручившись их поддержкой, сумела аккумулировать в рамках мобилизационной модели необходимые ресурсы для экономического рывка. Хотя авторы и добавляют при этом, что форсированная мобилизационная модель «всегда имеет высокую социальную цену».²⁰ Частью форси-

рованной социальной мобилизации они считают и коллективизацию сельского хозяйства. Исследователи делают общий вывод об успешности советской экономической модели в конкретных условиях 1930–1950-х гг.: «Новые управленческие решения в сочетании с социальной мобилизацией и возможностями сверхцентрализации ресурсов дали впечатляющие результаты».²¹ В приведенных рассуждениях важно подчеркнуть, что авторы рассматривали взаимообусловленность явлений мобилизации и модернизации: без всеохватной мобилизации советский вариант форсированной модернизации не мог быть реализован в таких масштабах и с такими результатами. Иначе говоря, с позиций функционирования советской системы (не только экономической, но и политической) и мобилизация, и модернизация являлись по своей значимости не просто инструментами или средствами, но рядоположенными, равнозначными условиями ее существования. Соответственно, предметом размышлений о феномене социальной мобилизации выступает ее место в теоретическом поле, т. е. необходимо определить к какому разряду теорий она относится: либо это теория среднего уровня (если воспользоваться критериями Р. Мертона), либо она перерастает эти рамки и возводится в ранг мегатеории. О такой возможности можно судить по наличию публикаций, в том числе отмеченной выше работе Челябинских историков о мобилизационном пути развития России. Во всяком случае появляется реальное проблемное поле для обсуждения этого теоретического поворота, в ходе которого у историков может быть шанс избежать прежнего статуса простых «реципиентов» политологических и социологических построений.

Sergey A. Krasilnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS; professor, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)
E-mail: krass49@gmail.com

EARLY SOVIET EXPERIENCE OF SOCIAL MOBILIZATION: HISTORY FOR THEORY

The phenomenon of social mobilization, being the subject of interdisciplinary research in the social sciences and humanities, increases the number of research problems, the main of which is the gap between theory and empiricism. There is no conventional agreement in determining its essential characteristics; the status of theoretical concepts of mobilization is not defined; research results in social studies are either not in demand, or poorly and fragmentarily adapted to the purposes of historical research.

²⁰ Братченко Т. М., Сениявский А. С. Имперская и советская модели экономического развития: сравнительный анализ // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 6. С. 34.

²¹ Там же. С. 35.

The paper reviews the experience of domestic historians with the concept of social mobilization in researching problems of the early Soviet society (resources-based, region-based and functionally oriented approaches), the prospects for converting the mobilization phenomenon into one of the key historical and civilizational features of the nationhood. The achievements and limitations of every approach realized by historians in large collective works during last five years have been revealed. Approach suggested by the author provides consideration of social mobilization as a crucial characteristic of the Bolshevik regime along with ideocracy and conservatism. Top-priority range of issues is outlined for the study of the structural, functional and pragmatist aspects of the mobilization phenomenon. Highlighted argumentative points include: nature, boundaries, forms, scales and consequences of translating mobilization practices into politics, economics, culture, relationship between modernization and mobilization processes, the influence of traditionalism.

Keywords: *early Soviet epoch, social mobilization, process, politics, research approaches*

REFERENCES

- Bratchenko T. M., Senyavsky A. S. [Imperial and Soviet models of economic development: comparative analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 11, no. 6, pp. 31–37. (in Russ.).
- Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of Russian society development in the 20th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2013, 128 p. (in Russ.).
- Jüngers E. Rabochiy. *Gospodstvo i geshtal't. Total'naya mobilizatsiya. O boli* [The worker. Domination and gestalt. Total mobilization. About the pain]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2000, 539 p. (in Russ.).
- Klimov I. A. [Social mobilization: to the history of the concept]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 2004, no. 1, pp. 6–23. (in Russ.).
- Medushevsky A. N. *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noy mobilizatsii v XX veke* [The political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the 20th century]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, 656 p. (in Russ.).
- Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh — 1930-ye gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: NGU Publ., 2013, 419 p. (in Russ.).
- Ushakova S. N. *Ideologo-propagandistskiye kampanii v praktike funktsionirovaniya stalinskogo rezhima: novyye podkhody i istochniki* [Ideological and propaganda campaigns in the practice of the Stalin regime: new approaches and sources]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, 213 p. (in Russ.).
- Velikanova O. V. *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoye obshchestvo 1920-kh gg.* [Disappointed dreamers: Soviet society of the 1920s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, 295 p. (in Russ.).